

Анна Плотникова

Институт славяноведения РАН, Россия

annaplotn@mail.ru

DOI: 10.31168/91674-576-4.23

—
116
—
**Эпистолярный жанр: «святое письмо»
в кросскультурном контексте**

Анализируются опубликованные письма жителей градищанскохорватского села Чуново на пограничье Словакии и Венгрии с точки зрения особенностей эпистолярного жанра начала XX в. Кросскультурный контекст диктует употребление таких лексем и оборотов, которые были возможны лишь в данном конкретном славянском регионе. На этом фоне особо выделяется так называемое «небесное письмо», представляющее собой письмо-оберег, написанное накануне Первой мировой войны солдатом и посланное своим близким. Жанровые особенности этого письма сильно отличаются от всей переписки, что позволяет рассматривать настоящий текст в ряду так называемых «святых писем».

Ключевые слова: *рукописное наследие, народная традиция, магическое письмо, градищанскохорватский язык, межкультурные взаимосвязи*

В докладе рассматриваются опубликованные письма периода начала XX в. жителей села Чуново [Maász, Miletić 2017], которые проживают в настоящее время в Словакии на границе с Венгрией, с точки зрения особенностей эпистолярного жанра, предполагающего знание этнокультурного подтекста «человеком пишущим» и «человеком читающим». Сложные межкультурные взаимосвязи между градищанскими хорватами и их непосредственными соседями – венграми и австрийцами – в полной мере отражаются в информативном дискурсе писем. С одной стороны, эти тексты, несмотря на рамки эпистолярного жанра, неизбежно содержат

важную информацию о традиционной народной культуре градищанских хорватов, переселившихся на эти территории около 500 лет назад. С другой стороны, ряд лексем и оборотов может быть понят сегодняшним читателем только при условии знания народных обычаев и обрядов местных жителей, которые их соблюдают до сих пор, как показала этнолингвистическая экспедиция 2018 г. (полевые исследования в Чуново и близлежащие села Русовце и Яровце проводились по проекту РНФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» совместно с Д.Ю. Ващенко, подробнее см. [Vaschenko, Plotnikova 2019]).

Обращаясь к письмам как источнику этнокультурной информации, нельзя не отметить специфику подачи соответствующих сведений. Данные о календарных праздниках и корреспондирующей терминологической лексике чаще всего включаются в высказывания о времени приезда / отъезда / ожидания родственников или знакомых (например, *ta je pred Duhi došao* «приехал перед Троицей», с. 101) либо о времени получения письма, открытки (*mesopusni pandiljak dostala* «получила в понедельник на масленицу», с. 147). Это могут быть также сообщения о погоде на тот или иной значимый день в календаре. В редких случаях можно обнаружить обстоятельное описание самого праздника, например, в случае заочного приобщения адресата к семейному торжеству *kiritof* (здесь подробно описываются и подаваемые кушанья, и приглашенные музыканты, включая их «необычную» национальность – *slovaki*, и т.д.). В письмах можно встретить и фрагменты сведений о народной обрядности при ностальгическом к ним обращении со стороны солдата, пишущего издалека домой: упоминание вербовой веточки в посылке (*od macicne nedilje kiticu* [отправил]), благодарность за пасхальное «красное яйцо» (*črljeno jaje*), которое он получил в посылке и др. Лексика семейной

обрядности, как правило, связана с жизненными обстоятельствами, которые описываются в письмах от родителей и знакомых: «Агнешка от тебя забеременела» (у разных респондентов встречаются лексемы *debela* и *noseća* ‘беременная’); «предводителем на свадьбе был такой-то» (появляется термин *staćilo* ‘друга, предводитель’); «у него было очень достойное погребение» (*jako lip pogrebje imao*, с. 129) и т.д.

Особый случай представляют ситуации вторичного употребления обрядового термина в контексте, когда отправители подчеркивают свое эмоциональное состояние. Так, в одном из писем встретился термин *norci*, употребленный пожилыми родителями солдата для усиления особенностей словесного портрета: *A mi stari norci ćemo hojt doklje budemo mogli* (А мы, старые безумцы, будем ходить, пока сможем, с. 125). Как было записано во время полевого обследования с. Чуново, *norci (nuorci)* ‘умалишенные’ – это «страшные» ряженые на масленицу, появление и действия которых призваны испугать окружающих (одеты в лохмотья, целуют девушек, крадут съестное и пр.). Следует отметить, что письмо было соответствующим образом воспринято сыном в армии (он пишет, что их письмо его так поразило, «будто кто-то нож в сердце всадил», с. 125).

Важен и вопрос этнических стереотипов, который прослеживается в письмах. Так, всё «немецкое» наделяется более высоким статусом, что проявляется не только в высказываниях о надеждах на получение работы в Вене, о возможности приехать домой в «немецкой одежде» и т.п., но и в стремлении употреблять в письмах большое количество немецких заимствований и калек, отмечаемых на разных уровнях языка (в лексике, морфологии, синтаксисе). С другой стороны, венгерский контекст очевиден во всех вопросах, касающихся школы, церкви, различных административных дел (от получения справок до подачи прошений), при этом черты венгерского языка прослеживаются

лишь в орфографии писем, реже в морфологии, единичны случаи лексических заимствований (см. [Vaschenko, Plotnikova 2019: 159–161]). В этом плане важным становится и мироощущение самих градищанских хорватов, которым вне «своего» пространства приписывается статус «венгров». Например, солдат Яндре Стефанчич описывает в письме домой ситуацию, как к нему обратилась местная хозяйка в Требине, с вопросом, чувствуют ли они, венгры, себя, как дома: ...“*je ste li vi Ugri doma*” *su me pitali* (с. 121). Примечательно, что этот эпизод попадает в письмо Яндре как экстраординарное событие во время празднования католической Пасхи (*pak lipa vazma smo imali*, с. 121). Данное проявление самоидентификации хорватами особенно показательно в смешанном межкультурном пространстве.

На фоне всей переписки Яндре Стефанчича с родственниками и знакомыми особо выделяется так называемое «небесное письмо» (*nebesko pismo*, с. 158), представляющее собой письмо-оберег, теоретически адресованное любому человеку, читающему по градищанско-хорватски. Оно написано накануне Первой мировой войны солдатом Яндре и послано своим близким. Жанровые особенности этого письма сильно отличаются от всех других, представленных в книге, что позволяет рассматривать данный текст в ряду иных, так называемых святых писем (сегодня известных и как «письма счастья»). О связи «святых писем» со средневековой нравоучительной литературой см., например [Лурье 1993].

Письмо имеет типичные характеристики католических «небесных писем»: начинается с рассказа о том, как один граф хотел отрубить голову слуге, но не смог, потому что тот имел при себе такое письмо с буквами J и K, несколько раз повторенными; затем говорится, от каких недугов и несчастий может защитить ношение письма его обладателем (именно в этой части появляется народная мифологическая лексика, до сих пор в переписке не встречавшаяся: *on ne more biti poviškan* – “его не смогут

одолеть ведьмы”, с. 158); перечисляются ситуации, в которых спасет письмо (женщин при родах, солдат во время боя, любого человека – от огня, молнии, воды); приводится и способ проверить силу письма («кто не верит, тот может привязать его на шею собаке и выстрелить в нее – тогда увидит, что это правда», с.160); говорится также об изначальном происхождении письма (было найдено в замке подвешенным и написанным золотыми буквами). В письме нет традиционных для такого жанра угроз в случае нераспространения письма (ср. предписания в подобных письмах с территории Российской Империи: переписать 3, 7, 9 раз [Бутов 2018: 17]), но есть угрозы и предостережения от несоблюдения богослужебных заповедей (в этом случае человек еще при жизни будет наказан болезнью и войной – “s kugom i s vojskom”, с. 160). В рассматриваемом «небесном письме» указано лишь требование переписать письмо «от одного другому» (*Ovakvo pismo nek si jedan od drugoga odpiše*, с. 160).

Весь текст пронизывает метафора крови – жизни («носящий при себе письмо не потеряет ни капли крови» и под.), заканчивается же письмо отдельной молитвой, которая показана и на фото в книге в оригинальной орфографии автора (чуновский говор градищанскоховатского языка), где видно, что молитва (взявшая на себя функции заговора у католиков [Толстая 1999: 239]) старательно выписана на отдельном листке красивым почерком с выделением крупными буквами авторских данных: где, когда и кем написана (что не характерно для «писем счастья»), имеющих нарочито анонимный характер). Особо следует отметить, что «небесное письмо» лишено каких бы то ни было немецких заимствований, которыми в целом пестрит вся чуновская переписка.

Литература

Бутов 2018 – Бутов И.С. Материалы о распространении «святых писем» в БССР в 1930–1950-е годы // Живая старина. № 1. 2018. С. 17–20.

Лурье 1993 – Лурье В.Ф. «Святые письма» как явление традиционного фольклора // Русская литература. № 1. 1993. С. 142–149.

Толстая 1999 – Толстая С.М. Заговоры // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 239–244.

Maász, Miletić 2017 – Maász J., Miletić Š. Čunovo. T. II. Sudbina Jandre Štefančiča osud Ondreja Štefancsicha. Bratislava, 2017.

Vaschenko, Plotnikova 2019 – Burgenland Croats between Vienna, Bratislava and Sopron: historical, cultural and linguistic aspects // Hungarian Studies. 33/1. 2019. С. 157–168.

–
121

Anna Plotnikova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

annaplotn@mail.ru

Epistolary genre: «Holy letter» in cross-cultural context

Published letters of Burgenland's Croats living in Čunovo on the border of Slovakia and Hungary are under consideration from the point of view of the features of the epistolary genre of the early XXth century. The cross-cultural context dictates the use of such lexemes and turns, which were possible only in this particular Slavic region. Against this background, the so-called “heavenly letter” stands out, which is a letter-amulet written on the eve of the First World War by a soldier and sent to his loved ones. The genre features of this letter are very different from the entire correspondence, which allows us to consider this text in a number of so-called “Holy letters”.

Key words: *handwritten heritage, folk tradition, magical letter, Croatian language in Burgenland, intercultural relationships.*